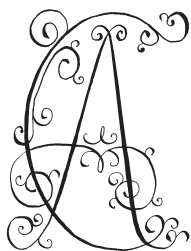

Институт славяноведения РАН

Славянский АЛЬМАНАХ

2013

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2014

УДК 94(367)
ББК 63.3(4)
С 47

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Т. И. Вендина, профессор, доктор филологических наук
К. В. Никифоров, доктор исторических наук,
директор Института славяноведения РАН (отв. редактор)
М. А. Робинсон, доктор исторических наук
Н. Н. Старикова, доктор филологических наук
Е. С. Узенева, кандидат филологических наук
А. Л. Шемякин, доктор исторических наук

Ученый секретарь:

Е. П. Аксенова, кандидат исторических наук

Славянский альманах 2013. – М.: Индрик, 2014. – 608 с.

ISSN 2073-5731

Восемнадцатый выпуск альманаха содержит материалы международной научной конференции «Славянский мир: общность и многообразие», состоявшейся в мае 2013 г. в Дни славянской письменности и культуры в Москве. Традиционные разделы альманаха включают статьи по актуальным проблемам истории, литературы, культуры и языка славянских народов от Средних веков до современности. Книга рассчитана как на специалистов, так и на широкий круг читателей.

The 18th volume of the miscellany contains materials of the international research conference “Slavic World: Community and Variety” which took place during the Days of Slavic Writings and Culture in Moscow in may 2013. Traditional parts of the miscellany include articles on actual problems of history, literature, culture and languages of Slavic peoples from Middle Ages till nowadays. The book is designed both for specialists and for a broad circle of readers.

ISSN 2073-5731

© Институт славяноведения РАН, 2014
© Коллектив авторов, 2014
© Издательство «Индрик», 2014

С. Милорадович
(Белград)

Субстантивные конструкции, выражающие посессивность, в сербских народных говорах и реинтерпретация исторического развития формальных экспликаций

Статья посвящена анализу субстантивных конструкций, выражающих посессивность, в сербских народных говорах. Приведенные примеры подтверждают, что географическая распространенность наблюдаемой языковой особенности представляет собой определенный вид реинтерпретации ее исторического развития.

Ключевые слова: *сербские народные говоры, адноминимальный притяжательный дательный, адноминимальный притяжательный родительный, НА-конструкция, реинтерпретация исторического развития.*

I. Тема настоящей статьи инициирована и вдохновлена следующей цитатой Н. И. Толстого: «Нынешний славянский диалектный ландшафт в отношении многих явлений представляет собой нечто **вроде развернутой в пространстве диахронии**, в которой временная последовательность развития систем или их фрагментов манифестируется в территориальной проекции» (Толстой 1997: 15). Имея в виду тот факт, что географическая распространенность различных формальных экспликаций для выражения значения собственно принадлежности (*кућа мога оца // моме оцу кућа // на мојега оца кућа*) и т. наз. неотторжимой принадлежности (*сестра мога оца // моме оцу сестра // на мојега оца сестра*) отражает аналогичные процессы в истории балканославянских языков, в данном изложении мы хотели, с помощью материала из четырех сербских диалектных групп, еще раз напомнить о важности исследования диалектологического синтаксиса для выведения достоверных заключений в области исторической диалектологии. Материал из некоторых лишь сербских народных говоров с приведенными примерами субстантивных конструкций для выражения посессивности подтверждает цитируемый вывод Н. И. Толстого, видоизменение которого состоит лишь в том, что в данном случае он ограничен сербским диалектным пространством.

Известно, что в сербском языке дательный падеж в функции обозначения принадлежности «в большинстве диалектов и в литературном языке употребляется редко (адвербиальное употребление го-

раздо более обычно). Он чаще всего встречается в восточных диалектах, призренско-тимокском и косовско-ресавском» (Ивић 1957: 344). Приводя основные признаки косовско-ресавского диалекта, П. Ивич пишет: «С другой стороны, дательный притяжательный все еще очень употребителен, и не только дательный личных местоимений, и не только в адвербиальном употреблении: *Донесе мечку у богатем трговцу кућу* (= в дом богатого купца)» (Ивић 1985²: 104)¹. Адноминальный притяжательный дательный, согласно данным опубликованных исследований и статей, на территории косовско-ресавского диалекта употребляется более активно, чем в литературном языке. Исследователи отметили многочисленные примеры так называемой синтаксически связанной притяжательности, типа *кућа моме оцу* (= *кућа мога оца*), то есть параллельное употребление притяжательного дательного и притяжательного родительного.

В призренско-тимокских говорах, в огромной степени подверженных балканским языковым процессам и причисленных к балканскому языковому союзу, первичной является роль предлогов в структурировании именных конструкций. Только лишь в этих говорах категория притяжательности выражается в прямом смысле как «балканский аналитизм» – предложная конструкция с общим падежом. Следует отметить, что *Genitivus originis* с предлогом *od* не является особенно частой конструкцией в призренско-тимокских говорах. В литературе по диалектологии (Ивић 1985²: 112) существует утверждение, что в большей части призренско-тимокских говоров для выражения посессивных значений используется конструкция, лишенная флексии (*na* + ОП), в то время как в некоторых из них есть специальные формы дательного падежа с притяжательной функцией как более архаичное решение, то есть пережиток древней системы склонения, «переживший аналитизм». Такие формы дательного падежа чаще всего существуют одновременно с эквивалентной им конструкцией *na* + ОП. И как до сих пор неоднократно подчеркивалось – удаление дательного падежа из морфологической системы и его замена *na*-конструкциями принадлежит в аспекте истории языка к заключительному этапу исчезновения синтетических форм.

Синтетический способ выражения грамматических значений, как нам известно, считается исходным для славянской языковой структуры. Тем не менее, в определенный период произошла смена общеславянской синтетической тенденции на тенденцию аналитического характера. Изучение материала четырех сербских диалектов (шумадийско-воеводинского [ШВ], смедеревско-вршацкого [СВ], косовско-

ресавского [КР] и призренско-тимокского [ПТ]), опубликованного в монографических исследованиях и трудах, посвященных народным говорам, принадлежащим этим диалектным группам, то есть разбор современного состояния этих отдельных диалектных единиц, позволил более точно установить ход процесса и последовательность явлений в историческом развитии средств выражения семантической категории посессивности в рамках адноминальных конструкций – «как именно происходила борьба и смена главенствующих тенденций развития» (Соболев 1989: 220). Но здесь я должна отметить, что работа над конструкциями этого типа дополнительно осложняется тем, что синтаксис народных говоров изучен и описан еще недостаточно.

II. [ШВ] В говорах Баната существует только адноминальный притяжательный дательный местоименных энклитик (*снајка ми, човек тај и жена му*), а родительный притяжательный обыкновенен как связанная падежная форма: *снајиног брата ћерка, моје матери сукња* (Ивић et al. 1997: 311–312). При этом «яркой диалектной характеристикой являются контаминированные конструкции, как *моје снаје братова ћерка*», и к этой разновидности относится и пример: *када сам једаред ницо баба-Јуци, том Јуци Борићевим његовој матери* (там же, 312). Иван Попович указывал на то, что в бачском говоре с. Господжинци существует притяжательный дательный, «но он употребляется лишь в энклитических формах личных местоимений, причем только в сочетании с существительными, обозначающими родственников». Таким образом, регулярными являются формы: *његовог брата дете, кућа онџ Триве* (Поповић 1968: 223).

[СВ] Полевые данные из смедеревского Подунавья свидетельствуют о влиянии косовско-ресавского миграционного потока. Довольно много примеров записано и в моравских селах, а в остальных селах этой области отмечены лишь единичные примеры, поскольку преобладает притяжательный родительный. Примеры из моравских сел: *то је мојем мужу фамилија, њонем стрицу кућа, колиба ди је била тим мојим овџем пџинку, ово ђде мојим дџеву био плџ, син мојем дџеву, ту кућа ди сџд двом мојем синоџу*. Также и в смедеревско-вршацком говоре с. Чумичи можно услышать примеры типа: *њџевој другарџи џтаџ џма маљу плџу*. Отмечается, что данный тип дательного падежа «употребляется более интенсивно, чем в литературном языке» (Грковић 1968б: 146).

[КР] В монографии о ресавском говоре не имеется, к сожалению, никаких синтаксических записей, но я приведу примеры, которыми

иллюстрируются падежные окончания существительных всех трех родов: *то је твѡјему ђцу фамилија, то је твѡјем пријатељу бѡстан* (Пецо/Милановић 1968: 303), *мѡ(ј)ем ђцу мајке баба* (там же: 323). В говоре с. Левача, согласно записям Радоя Симича, притяжательный родительный (*ћѣрка рѣвога гѡзде што е у Сибници*) значительно реже дательного притяжательного. Родительный притяжательный последовательно употребляется лишь тогда, «когда речь идет не о собственно обладании» (Симић 1980: 30): *да трѡжим мѡем сину дрѡгови, овѣм Милѣнку унук, у мѡем тѣчѣ винѡград, Драгѡтину овѣм дућан* (там же: 98). Адноминальный дательный притяжательный является высокочастотной категорией в говоре с. Трстеника, главным образом в восточной части этого говора: *овѣм Јѡчѡћу женѣ, у Милѡмиру Ђѡсийћу лозѣ* (Јовић 1968: 167). В говоре сел Александроваца и Брус часто употребляется притяжательный дательный вместо притяжательного родительного: *овѡ 'е жѣна нѡшем учѡтелю, тѡ 'е сѣстра мѡме дрѡгу* (Алексић/Вукомановић 1966: 312). Следующими примерами из Лукова проиллюстрировано «очень [...] живое употребление притяжательного дательного»: *ѡна је ћѣрка Мѡрку Недѣлѡквићу, ѡн је твѡѣм чѡвѣку роћак* (Грковић 1968а: 130). В говоре с. Мрча в куршумлийском крае обыкновенным является притяжательный дательный: *сѣстра овѣм чѡвѣку, говѣда твѡем дѣверу, кѡшобран једнѣ женѣ* (Радић 1990: 35). Дательный падеж в говоре парачинского Поморавья очень часто появляется в именных словосочетаниях, и тогда им выражается собственно принадлежность, в рамках двух отношений: *лицо – лицо* и *лицо – предмет* (Милорадовић 2003: 135–142). Он чаще появляется в этой функции, чем синонимичная ему предложно-падежная конструкция *од + Р/ОП*, а форму беспредложного притяжательного родительного он совсем (!) вытеснил из употребления. Я приведу только некоторые из многочисленных подтверждений адноминальной дательной формы с притяжательной функцией: *мѡјем унѡку двѡ детѣта, ѡни свѣ вѡчу да је дрѡгем чѡвѣку дѣте, Љубѡише ветеринару жѣна, овѣм детѣту дѣда, у његѡвем брѡту кѡћу, да нѡта дѣ тѣм чѡвѣку кѡћа, тѡ њѣнем мѡжу плѡц, у мѡјем комиѡје двѡришите наѡће, дѣ слѡка онѣм девѡјѣту*. Самая большая доля записанных примеров относится к неотчуждаемой притяжательности, то есть к обозначению семейных отношений. В сербском клисурском говоре села Радимци, в Румынии, дательный притяжательный не особенно частотен: *мѡјѡј мами сѣстра* (Томић 1987: 439).

[ПТ] Говор алексиначкого Поморавья сохранил специальные формы дательного с притяжательной функцией у всех типов склонен-

ния: *моём брату шурак, мойзе майке татко, до моём комишје вратницу* (Богдановић 1987: 152–153). Сохранившиеся формы относятся преимущественно к лицам. Неделько Богданович отмечает, что такие формы Д сосуществуют с ОП (*на мою майку отац, на овога Вељка брат* – там же, 239, прим. С. М.) для тех же функций и не воспринимаются как необычные или “устарелые” (там же, 153). В дальнейшем тексте он отмечает, что в говорах Сврлига они не являются обычными, особенно вне примеров т. наз. синтаксически связанной посессивности (*моем брату шурак*), и что там в этих случаях употребляется *на*-конструкция (там же, 152, прим. 275). В говоре с. Запल्या для выражения посессивности мы встречаем и употребление дательного падежа, и употребление конструкции *на* + ОП: *мојему дѣдету брат, и овому едан син* (тоже и: *штала човеку*); *она е ујна на тога Раче, на комише, на овѣја е амбар* (Марковић 2000: 223, 226). В Бучуме посессия выражается конструкцией *на* + ОП: *то је дете на Радена и на Раду* (Богдановић 1979: 117). То же самое в Лужнице: *брат на мојевога старца је свирѣл кланѣта, на Славка Бранкоскога шталу нећи запалил* (Ћирић 1983: 65). В говорах Понишавья притяжательное значение формализуется общим падежом с предлогом *на*: *на мојега оца сестра седам (детета) имала, на зљу ми на снау брат* (= брат невестки моей золовки), *на моју тетку син* (Ћирић 1999: 155). В говорах Црна-Травы и Власины отмечены примеры типа: *од оца майка, ћерка од брата*, но в материале, данном в монографии, не содержится ни одного примера с притяжательным существительным дательным (Вукадиновић 1996: 141–143). Отмечен и пример *родитељи на онога сина* (там же, 256), без каких-либо комментариев о частотности посессивных конструкций, имеющих место в этом говоре. Слободан Реметич заметил, что дательный очень хорошо сохраняется в говоре Призрена и что и притяжательный дательный встречается очень часто: *мојему брату другар, јеному инајдѣру жења туј родила* (Реметић 1996: 451).

Членом $\text{ProN}_{\text{Dat}} // \text{Adj}_{\text{Dat}}^2$ чаще всего является притяжательное или указательное местоимение, т. е. прилагательное в форме дательного падежа, в качестве обязательного детерминатора, а им может стать и числительное, название профессии и т. п. Существительное в дательном падеже выступает в качестве посессора; существительное в качестве коррелята чаще всего находится в именительном падеже, но оно встречается и во всех косвенных падежах, в соответствии с синтаксической функцией коррелята. Почти все конструкции, приведенные в качестве примеров употребления адноминимального дательного притяжательного в указанных народных говорах, характеризуются

ются синтаксической маркированностью. А именно, употребление дательного падежа в них обусловлено обязательным употреблением детерминатора, вследствие чего дательный в этом случае является связанной падежной формой. Так как в сербском языке употребление притяжательного дательного встречается только тогда, когда существительное сопровождается определением, субстантивный притяжательный дательный, «захватив» семантическую сферу выражения отношений принадлежности посредством родительного падежа, редко может быть выражен как свободная падежная форма.

III. Представленные диалектные примеры позволяют определить «динамику формального перераспределения средств» выражения притяжательности на территории четырех сербских диалектов, в направлении север – юг (а точнее, северо-запад – юго-восток). Приведенные материалы позволяют установить следующую синхронную цепочку, отражающую установленный диахронический ряд: притяжательный родительный → притяжательный родительный // притяжательный дательный → притяжательный дательный → притяжательный дательный // *на*-конструкция → *на*-конструкция. Она свидетельствует о способе вторжения дательного падежа в субстантивные посессивные словосочетания – на основании семантической аналогии родительных и дательных падежных словосочетаний.

Как я уже отмечала в своих прежних работах, при отсутствии выражения различия между значением места и значением цели движения и формальной их омонимии, а также употреблении конструкции с предлогом *с(а)* в качестве средства выражения и инструментальных, и социативных значений – слияние притяжательных функций родительного и дательного падежей, а также и обобщение адноминального дательного притяжательного, является еще одной особенностью сербских народных говоров, свидетельствующих об их склонности к аналитизму. Подтверждение факта «слияния» посессивных функций родительного и дательного падежей – как первого этапа ликвидации флективной формы – находим и в следующем утверждении П. Ивича: «...вместо дательного *на* + та же форма (*казала на царску ћерку*), та же конструкция используется и для посессивного значения (*кућа на мојега брата*), что говорит о том, что до упрощения системы склонения это значение было обозначено дательным, а не родительным падежом» (Ивић 1985²: 112).

Сегмент исторического синтаксиса, касающийся вытеснения притяжательного родительного дательным и возникновения нового

средства выражения *посессивности*, аналитического по своему характеру, опираясь на данные письменных источников, обработала А. Минчева в монографическом исследовании, посвященном развитию притяжательного дательного в болгарском языке (Минчева 1964). Это позволяет проследить цепочку развития дательного притяжательного и его функциональные аналитические параллели: (1) существование близких по значению средств (родительный//дательный) выражения притяжательности, (2) в ряде случаев наряду с одними синтаксическими конструкциями (родительный) параллельно функционируют соответствующие первично синонимичные словосочетания (дательный), (3) они на определенном этапе своего функционирования превращаются в дублеты (дательный) некоторых из конструкций, с которыми они вступили в совместное действие при выражении определенных семантических отношений, (4) обобщение одного средства (дательный падеж) в качестве замены другого, прежнего (родительный), для обозначения принадлежности, (5) установление аналитической конструкции (*на* + ОП) как функциональной параллели прешествующей флективной³.

Случаи замены притяжательного родительного дательным падежом появляются уже в старославянских текстах. Они встречались на различных стадиях развития почти всех славянских языков. Как уже известно, ни в одном из современных балканских языков нет специальных флективных форм родительного и дательного падежей, так как произошло совпадение их первичных форм и функций. В связи со сказанным, учитывая и материал сербских народных говоров, мы четко должны разделять процессы прошлого: функции, разделяющие родительный и дательный как два разных падежа, не могли больше играть роли в распределении их притяжательных употреблений. Два употребления совпали, и таким образом была создана возможность для того, чтобы один падеж перестал употребляться с определенным значением. Адноминальный притяжательный родительный уступил место адноминальному притяжательному дательному падежу. В свое время А. Н. Соболев писал, что для установления соответствующих фактов и процессов в истории балканославянских языков необходим «новый источник информации по истории балканославянских языков», причем он предложил в качестве такого источника сербохорватские народные говоры контактных зон и говоры так называемой переходной косовско-ресавской зоны (Соболев 1989: 221). Мотивируя свое предложение, он пишет: «Именные системы этих говоров, представляя

как бы различные ступени перехода к аналитизму (от момента его зарождения до практически полной его победы), являются несомненно важнейшим источником для своего рода “типологической” верификации результатов исследования истории падежной системы говоров, отраженных памятниками средневековой балканославянской письменности» (там же: 222). Специфичная, до недавнего времени почти неизвестная ситуация в так называемом переходном говоре парачинского Поморавья подтверждает определенным образом «переломный» момент в развитии *субстантивный притяжательный дательный* → *аналитическая предложно-падежная конструкция*. Установление субстантивного притяжательного дательного в качестве полного синтаксического и семантического эквивалента притяжательного родительного обозначает одно переходное звено в «цепочке последовательности», в которой следующим звеном должно было бы быть – создание конструкции с предлогом и нейтрализованной дательной флексией.

Выводы. Итак, когда речь идет о средствах выражения притяжательности в субстантивных конструкциях, материал сербских народных говоров, представленный по географическому принципу (условно говоря) в направлении северо-запад – юго-восток, является подтверждением транспозиции *темпоральности* в *линеарность*. Географическая распространенность наблюдаемой языковой особенности представляет собой определенный вид реинтерпретации ее исторического развития.

ЛИТЕРАТУРА

Алексић, Вукомановић 1966 – *Алексић Р., Вукомановић С.* Основне особине александровачког и брусског говора // *Анали Филолошког факултета*. Београд, 1966. Т. VI.

Асенова 1989 – *Асенова П.* Балканско езикознание. Основни проблеми на балканския езиков съюз. София, 1989.

Богдановић 1979 – *Богдановић Н.* Говори Бучума и Белог Потока // *Српски дијалектолошки зборник*. Београд, 1979. Т. XXV.

Богдановић 1987 – *Богдановић Н.* Говор Алексиначког Поморавља // *Српски дијалектолошки зборник*. Београд, 1987. Т. XXXIII.

Вукадиновић 1996 – *Вукадиновић В.* Говор Црне Траве и Власине // *Српски дијалектолошки зборник*. Београд, 1996. Т. XLII.

Грковић 1968а – *Грковић М.* Неке особине говора села Лукова // Прилози проучавању језика. Нови Сад, 1968. Т. 4.

Грковић 1968б – *Грковић М.* Употреба падежа у чумићком говору // Прилози проучавању језика. Нови Сад, 1968. Т. 4.

Ивић 1957 – *Ивић П.* О говору Галипољских Срба // Српски дијалектолошки зборник. Београд, 1957. Т. XII.

Ивић 1985² – *Ивић П.* Дијалектологија српскохрватског језика. Увод и штокавско наречје. Нови Сад, 1985.

Ивић et al. 1997 – *Ивић П., Бошњаковић Ж., Драгин Г.* Банатски говори шумадијско-војвођанског дијалекта (друга књига: морфологија, синтакса, закључци, текстови) // Српски дијалектолошки зборник. Београд, 1997. Т. XLIII.

Јовић 1968 – *Јовић Д.* Трстенички говор // Српски дијалектолошки зборник. Београд, 1968. Т. XVII.

Марковић 2000 – *Марковић Ј.* Говор Запања // Српски дијалектолошки зборник. Београд, 2000. Т. XLVII.

Минчева 1964 – *Минчева А.* Развој на дателнија притежателиен падеж во българијски език. Софија, 1964.

Милорадовић 2003 – *Милорадовић С.* Употреба падежних облика у говору Параћинског Поморавља. Балканистички и етномиграциони аспект // Посебна издања Етнографског института САНУ. Београд, 2003. Књ. 50.

Пецо, Милановић 1963 – *Пецо А., Милановић Б.* Ресавски говор // Српски дијалектолошки зборник. Београд, 1963. Т. XVII.

Поповић 1968 – *Поповић И.* Говор Госпођинаца у светлости бачких говора као целине // Посебна издања САНУ. Одељење литературе и језика. Београд, 1968. Књ. 21.

Радић 1990 – *Радић П.* Цртице о говору села Мрче у куршумлијском крају // Српски дијалектолошки зборник. Београд, 1990. Т. XXXVI.

Реметић 1996 – *Реметић С.* Српски призренски говор. I (гласови и облици) // Српски дијалектолошки зборник. Београд, 1996. Т. XLII.

Симић 1980 – *Симић Р.* Синтакса левачког говора. I // Српски дијалектолошки зборник. Београд, 1980. Т. XXVI.

Соболев 1989 – *Соболев А. Н.* Сербохорватска диалектологија и изучение историје балканославјанских јазыков // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. Нови Сад, 1989. Т. XXXII/2.

Толстой 1997 – *Толстой Н. И.* Славјанска лексикологија и семасиологија // *Толстой Н. И.* Избранные труды. М., 1997. Т. 1.

Томић 1987 – *Томић М.* Говор Радимаца // Српски дијалектолошки зборник. Београд, 1987. Т. XXXIII.

Тополињска 1988 – *Тополињска 3*. Дативниот однос и кирилометодиевското јазично наследство // Кирилометодиевскиот период и кирилометодиевската традиција во Македонија. Скопје, 1988.

Тирић 1983 – *Тирић Љ*. Говор Лужнице // Српски дијалектолошки зборник. Београд, 1983. Т. XXIX.

Тирић 1999 – *Тирић Љ*. Говори Понишавља // Српски дијалектолошки зборник. Београд, 1999. Т. XLVI.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 В данный момент речь не идет об употреблении энклитической формы дательного падежа личных местоимений в притяжательной функции, известном и литературному языку, которое, между прочим, очень частотно в косовско-ресавских и призренско-тимокских говорах.
- 2 Символы: ProN_{Dat} – местоимение, дательный; Adj_{Dat} – притяжательное, дательный.
- 3 О синкретизме родительной и дательной падежных форм в языках балканского языкового союза писала П. Асенова (Асенова 1989: 59–61). Исследовательница считает, что в самих балканских языках существовали предпосылки для совпадения этих двух падежных форм и что межъязыковые контакты только усилили некоторую общую тенденцию. Данное вытеснение одного синтаксического средства другим объясняет З. Тополињска, выделяя конструкции, которые дали знать о пересечении функциональных зон родительного и дательного падежей (Тополињска 1988).

Miloradović S.

Substantive Constructions Expressing Progressivity in Serbian Popular Dialects: A Re-interpretation of Historical Development of Formal Explications

The article analyses substantive constructions expressing progressivity in Serbian popular dialects. Examples drawn in the article testify that geographic areal of the linguistic feature under scrutiny is a sort of re-interpreting of its historic development.

Keywords: *Serb popular dialects, adnominal possessive dative, adnominal possessive genitive, NA-construction, re-interpretation of historical development.*